

Русистика и компаративистика. 2021. Вып. XV. С. 182–196
Russian Philology and Comparative Studies. 2021. (XV): 182–196

Научная статья

УДК: 81'367.7

<https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.11>

ТЕКСТОВЫЕ ФУНКЦИИ НЕЧЛЕННЫХ ФОРМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ И СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ДЕЕПРИЧАСТИЯ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Анна Павловна Вяльсова

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, Россия, vyalsova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7273-5247>

Аннотация. В связи с изучением норм употребления современного деепричастия возникает необходимость обратиться к истории формирования этой глагольной формы из нечленной формы причастия. Сравнительный анализ употребления нечленной формы причастия в житийных текстах XI–XVII вв. и современного деепричастия позволяет выявить сужение текстовых функций деепричастия в современном языке, обозначить периферийные для современного деепричастия конструкции с нарушением единого временного плана и в позиции при неличном субъекте и объяснить причины нарушения грамматических норм современной речи.

Ключевые слова: русский язык, церковнославянский язык, нечленное причастие, деепричастие, категория определенности/неопределенности, тип субъекта.

Для цитирования: Вяльсова А.П. Текстовые функции нечленных форм действительных причастий и современного русского деепричастия в сопоставительном аспекте // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 182–196. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.11>.

Original article

TEXTUAL FUNCTIONS OF ACTIVE INDEFINITE PARTICIPLES AND MODERN RUSSIAN ADVERBIAL PARTICIPLES IN A COMPARATIVE ASPECT

Anna Pavlovna Vialsova

St. Tikhon's Orthodox University for Humanities, Moscow, Russia, vyalsova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7273-5247>

Abstract. The norms of using the adverbial participle in speech have been the subject of grammar, rhetoric and speech culture for almost three centuries — a period of a desperate struggle against the violation of the prescribed rules for the use of the adverbial participle. Modern grammar science looks at violations of the norms of the use of the adverbial participle in a different way: an analysis of the abusive uses of the adverbial participle helps both to reveal the grammatical properties of the verb form itself and to trace the modern trends of the language. In connection with the study of the properties of the modern adverbial participle, it becomes necessary to refer to the history of the formation of this verb form from the short form of the Church Slavonic participle. An analysis of the peculiarities of the use of short forms of active participles and definite form of participles in ancient Russian texts allows us to explain the functional mechanisms of participles and adverbial participles in the modern language, to outline the zone of their divergence. The article examined the cases of choosing the short form of the participle, which show that its textual functions in the ancient language were wider than the textual functions of the adverbial participle in the modern language. Based on material from hagiographic texts of the 11th — 17th centuries constructions that are not characteristic of modern adverbial participle were considered. It can be named three conditions for the normative use of the modern adverbial participle, which correspond to the structural components of this article. First, the adverbial participle in the modern language, unlike the Church Slavonic language, cannot be used absolutely as a predicate of a sentence. Secondly, one of the violations of the norms should be recognized as the heterogeneity along the time line of the adverbial participle and the predicate. However, in the Church Slavonic language, such contexts of the use of short participial forms are found. Finally, a comparative analysis of these verb forms with impersonal subject was performed. As a result, it was shown that for the modern adverbial participle, the narrowing of temporal functions is compensated by the expansion of the possibility of use with subjects of different types. It seems that an appeal

to historical material can explain not only the grammatical properties of modern verb forms, but also violations of the grammatical norms of speech.

Key words: Russian language, Church Slavonic language, short forms of participle, adverbial participle, category of definitiveness and in-definitiveness, type of subject.

For citation: Vialsova A.P. Textual functions of active indefinite participles and modern russian adverbial participles in a comparative aspect. *Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. trudov / Gl. red. S.A. Vasil'ev*. Vyp. XV. *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. M.: Knigodel, 2021; (XV): 182–196. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.11>.

© Вяльсова А.П., 2021

Введение. Синтаксические нормы употребления деепричастия в современном русском языке в основном касаются условия употребления данной глагольной формы при подлежащем двусоставного предложения или в составе инфинитивного безличного предложения. Это правило связано с историческим процессом развития деепричастия из нечленного согласуемого причастия и во многом носит формальный характер для носителя языка, о чем свидетельствует рост ненормативных употреблений деепричастной формы в последнее время — такое отношение носителей языка к норме употребления деепричастия Е.Р. Добрушина назвала «свободным регистром» [Добрушина 2020: 15]. Требование односубъектности в предложениях с деепричастной конструкцией давно стало общим местом пособий и справочников по культуре речи. Однако сегодня существует проблема того, что другие семантико-грамматические свойства деепричастия, которые также необходимо включить в нормативные требования употребления глагольных форм, оказываются вне фокуса внимания исследователей. Говоря о формировании деепричастия, следует учитывать не только исчезновение согласовательных категорий нечленной формы причастия, но и изменения, произошедшие на уровне семантико-грамматических характеристик: некоторые синтаксические позиции нечленного причастия постепенно становятся невозможными для новой глагольной формы — деепричастия. В настоящей статье будут описаны контексты, несвойственные современному деепричастию.

Цель статьи — путем анализа употребления нечленных форм причастий в истории русского литературного языка и сопоставления их с нормами употребления современного деепричастия выявить грамматические свойства современного деепричастия, очертить круг вопросов нормы и узуса в отношении его употребления в современной письменной речи.

Методология исследования. По сравнению с членными причастиями, которые претерпели мало формальных изменений за несколько веков фор-

мирования книжного языка Древней Руси, нечленные причастия, которые со временем оформились в деепричастие, употребляются непредсказуемо. Во многом это объясняется тем, что предписанных норм употребления причастных форм не было, а были образцы, оригинальные тексты, которые писцы воспроизводили при создании собственных. Формирование деепричастия из нечленных форм носило несистемный и неодновременный характер. Некоторые исследователи, в частности В.М. Живов [Живов 2011: 473–492], предлагали рассматривать нечленные формы причастий, употребленные в определенных синтаксических позициях, в качестве согласуемого деепричастия. Временем завершения формирования деепричастия считается эпоха XVII века [Стеценко 1972], хотя некоторые особенности употребления деепричастий в произведениях XVIII века привели исследователей к выводу, что деепричастие находилось в стадии формирования вплоть до XIX века [Запольская 1985], а такие современные явления, как нарушение грамматической связи деепричастия с подлежащим предложения и семантическая соотнесенность с логическим субъектом, или «абсолютивная деепричастная конструкция» [Добрушина 2014: 96–119, 2020: 9–18], доказывают, что этап формирования деепричастия в настоящее время нельзя назвать завершенным.

Для выявления семантико-грамматических характеристик деепричастия необходимо обратиться к историческому контексту, чтобы увидеть зону расхождения между членными и нечленными формами причастия, которая в процессе развития языка привела к образованию двух глагольных форм — причастия и деепричастия, различающихся как своими грамматическими свойствами, так и функциями в тексте. В качестве **материала исследования** в работе рассматриваются житийные тексты XI–XVII вв., а для анализа нарушений норм употребления современного деепричастия используются материалы Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ).

Основная часть

Бессоюзные и союзные конструкции с нечленными причастиями

Современное деепричастие рассматривается как второстепенное сказуемое, такисный предикат, временное значение и позиция в предложении которого связаны с основным предикатом предложения. Однако формы нечленных причастий в древнерусской письменности характеризовались большим разнообразием своих функций. В некоторых контекстах нечленные формы функционально приближались к современным деепричастиям. Формы нечленных причастий, употребленные в такой функции, были широко распространены в нарративных текстах Древней Руси с первых письменных памятников вплоть до XVII века, данная функция нечленных причастий, или формирующихся деепричастий, была унаследована и современным деепричастием.

Рассмотрим следующие примеры из житийных текстов, созданных в разное время, и их переводы на русский язык, чтобы показать преемственность синтаксической функции нечленных причастий. (1) *Александръ же, слышав словеса сии, разгорься сердцемъ, и вниде в церковь святыя Софиа, и, пад на колъну пред олтаремъ, нача молитися съ слезами* («Житие Александра Невского»). В переводе В.И. Охотниковой на месте выделенных нечленных форм причастий последовательно употребляются деепричастия: *Александр же, услышав такие слова, разгорелся сердцем и вошел в церковь Святой Софии, и, упав на колени пред алтарем, начал молиться со слезами*. (2) *И то рече игумень, сътворишь молитву и благословишь его, отиде от него и иде, отнуду же и прииде* («Житие Сергия Радонежского»). В русском переводе жития М.Ф. Антонова и Д.М. Буланин также используют деепричастия: *Сказал это игумен и, помолившись и благословив Сергия, ушел от него; и пошел туда, откуда и пришел*. (3) *Иногда же безмолствующу ему, нападоша нань разбойници, мняще имъние у него обръсти, и ничтоже обрътоша развъ книгу. И вземше книги, отидоша, и блудиша всю ночь по лесу, и велми утрудившася, възлегше, почиша* («Житие Корнилия Комельского»). Русский перевод фрагмента, выполненный А.А. Романовой, за исключением перевода причастия *възлегше* и добавления элемента *не находя дороги*, также последовательно передает нечленные формы причастий деепричастиями: *Как-то, когда он безмолствовал, напали на него разбойники, думая найти у него имущество, но ничего, кроме книг, не обнаружили. Взяв книги, они ушли и всю ночь блуждали, не находя дороги, по лесу, и, очень устав, прилегли отдохнуть*. Применительно к нечленным формам в «Житии протопопа Аввакума» можно говорить о частичной утрате ими согласовательных категорий. Аввакум использует нечленные формы непоследовательно, особенно отсутствие согласования заметно при сказуемом во множественном числе, где функция нечленных форм соответствует современным деепричастиям: *И привезше к Москве, подержав, отвезли в Пафнутиев монастырь*. В приведенных примерах причастия встроены в сюжетную ткань текста: действия нанизываются друг на друга, динамично развивая сюжетное время нарратива. Героем нарратива летописного или житийного, как правило, выступает лицо мужского пола (князь, святой подвижник), действия которого, описываемые цепочкой глагольных форм, постепенно выстраивают сюжет. Поэтому связь глагольных форм с субъектом удерживается, скорее, семантически, чем с помощью согласовательных категорий.

В отличие от современных деепричастий, нечленные причастия в древнерусских текстах нередко были связаны с основным предикатом с помощью союза, как правило, сочинительного. Например, во фрагменте *Тгда же въставъ блаженный, и възъмъ злато, и съ слъзами помолися въ умъ*

*своем*¹ мы видим прихотливое нанизывание глагольных форм, и причастных, и финитных. Интересно отметить, что бессоюзные и союзные конструкции могут встречаться в сходных контекстах: *И въ другой же день одѣвъся въ одежу свѣтлу и славну и тако **въстѣдъ** на конь **поеха** къ старцю.* Ср. другой пример из «Жития Феодосия Печерского» о приезде князя Изяслава в монастырь: *Се же, яко рѣкъъхъ, **приѣхавъ** и **състѣде** съ коня, ни бо николиже ѣха на дворъ манастырьскый, и приступивъ къ вратомъ повель отъверсти, вънити хотя.* В этом примере причастие и основной предикат связываются сочинительным союзом. Статистика употребления нечленных причастных форм с сочинительными союзами по разным памятникам древнерусской письменности с подробным анализом условий их появления в тех или иных контекстах приведена в работе В.М. Живова [Живов 2011]. Им была обнаружена закономерность появления союзной связи при наличии нескольких причастных форм в цепочке предикатов [Живов 2011: 424]. Хотя можно встретить тексты, авторы которых предпочитают обозначать связь между глагольным предикатом и единичным причастием с помощью сочинительных союзов, но такие тексты представляют собой периферию по ряду языковых особенностей и не нарушают выведенную В.М. Живовым закономерность. Так, в «Повести о житии Михаила Клопского» на 24 случая союзной связи с союзами *да* и *и* между нечленным причастием и финитной формой приходится только 4 случая бессоюзной связи, и это, вероятно, не связано с количеством причастий во фрагменте, поскольку встречаются идентичные контексты, оформленные по-разному: (1) ***Приѣхавъ, послалъ** ко владыць...* и (2) ***И приѣхавъ да велѣлъ** молебень пѣти да обѣдную.* Примеры с союзной связью показывают, что нечленные формы обладали большей синтаксической свободой, чем современные деепричастия, что отражалось, в частности, в их способности выражать связь с основным предикатом с помощью сочинительного союза.

Таксисная связь современного деепричастия — семантико-грамматическая и синтаксическая зависимость от основного предиката — практически не отражена в языковых нормах, которые ориентируются прежде всего на требование односубъектности деепричастной конструкции. Между тем преподаватели отмечают достаточно частотную речевую ошибку учащихся, которая заключается в неразличении глагола и деепричастия: учащиеся могут употребить деепричастие без финитной формы, используя прием нежелательной парцелляции при делении предложения с деепричастным оборотом на части [Соколова 2019:19-22] Возможно, современный носитель языка ориентируется не на форму, а на семантику глагольного корня, и так, используя и деепричастия, и глаголы, передает последовательность

¹ Здесь и далее примеры из Жития Феодосия Печерского.

событий по примеру предикативных цепочек в памятниках древнерусской письменности.

Конструкции с нарушением единого временного плана

В текстах Древней Руси встречаются конструкции с нечленными частями, на месте которых в современном русском языке было бы употреблено причастие, а не деепричастие, — конструкции с нарушением единого временного плана между главным и второстепенным предикатом. Это свойство таксисной связи деепричастия и других таксисных единиц языка А.В. Бондарко характеризует так: «Понятие единства временного плана (целостности временного периода) включает однородность действий с точки зрения их конкретности/неконкретности (узуальности, типичности, вневременности). Все обозначаемые действия должны быть конкретными, либо неконкретными (в указанном смысле)» [Бондарко 2001], то есть временной фрагмент, укладывающийся в один фрагмент восприятия действительности. Однако такая связь между деепричастием и сказуемым установилась не сразу, оформлению этой связи предшествовал долгий переходный период. Существовали конструкции особого типа, в которых нечленная форма была в большей степени связана с именной группой, чем с глаголом-сказуемым, и имела частично абсолютное время, т. е. обозначала действие, которое занимало более широкий временной диапазон, чем время действия, выраженного глагольным предикатом. Например: *Святоплькъ же, **сѣдя** Кыевъ по отьци, призвавъ кыяны, многы дары имъ давъ, отпусти* («Сказание о Борисе и Глебе»). Здесь можно увидеть употребление нечленной формы **сѣдя** в значении неконкретного действия или состояния при сказуемом *отпусти* и при другом нечленном причастии *давъ*, которые выражают конкретные действия. С точки зрения текстовых функций глагольных форм нечленное причастие **сѣдя** в этом случае выражает фоновое действие, а матричный предикат и нечленное причастие *давъ* — сюжетное. При этом с точки зрения временных отношений фраза четко делится на два плана: 1) во временных отношениях между глагольными формами наблюдается, с одной стороны, включающая одновременность: **сѣдя Кыевъ по отьци** — настоящее время с узуально-характеризующим значением, причастие **сѣдя Кыевъ** указывает на политический статус Святополка, который сохранялся до действия глагольного предиката и будет существовать после совершения его действия; 2) *призвавъ кыяны, многы дары имъ давъ, отпусти* — причастные формы прошедшего времени, употребленные при глагольном предикате в аористе, имеют значение завершения действия и полного предшествования.

Интересно сопоставить с этим примером аналогичный пример В.И. Борковского: «*Се азъ мѣстиславъ володимирь снъ държа русьску землю въ свое княжение повелель есмь сну своему всеволоду отдати буице стму георгиеви съ данию и съ вирами и съ продажами и вено вотское*», комментируя

который, он отмечает временную неоднородность глагольной и причастной форм: «Мы полагаем, что в <...> примере вся группа слов с причастием представляет как бы попутное замечание, удельный вес *държа* в предложении менее значителен, чем *повелель есмь*. Значение этой группы слов, занимающей в предложении обособленное место: в то время, как я правлю русской землей, в свое княжение» [Борковский 1949: 211]. Причастие *държа* в этом отрывке соотносится со сказуемым *повелель есмь*, употребленным в перфекте. С точки зрения грамматического соотношения по категории времени пример может напоминать предыдущий, однако с учетом того, что текст ненарративный и оба действия — и глагольное, и причастное — не участвуют в развитии сюжета, между глагольными формами в примере В.И. Борковского, на наш взгляд, выявляется более отчетливая связь.

В подобных конструкциях на равных могла употребляться и членная форма причастия: *Наипаче же зъло любляше блаженааго христолюбивый князь Изяславъ, предържай тогда столь отца своего, и часто же и призываше къ собѣ, множищею же и самъ прихожааше к нему и тако духовныхъ тѣхъ словесъ насыщаешеся и отъхожааше* («Житие Феодосия Печерского»). Это соответствует нормам употребления и в современном русском языке, что доказывает перевод этого предложения О.В. Твороговым с использованием причастия: *Но особенно любил блаженного христолюбивый князь Изяслав, сидевший тогда на столе отца своего, и часто призывал он к себе Феодосия, а нередко и сам приходил к нему и, насытившись духовной беседой с ним, возвращался восвояси*.

Это значит, что в определенный период развития языка существовала некоторая группа контекстов, в которых членные и нечленные формы причастий попадали в условия выбора. Возможно, присутствовали некоторые семантические отличия, выявление которых доступно только при обращении к контексту и требует дополнительного исследования.

Современное деепричастие в отличие от рассмотренных выше нечленных причастных форм удерживает модус, или временной план, сказуемого, поэтому сочетание узуальной и актуальной информации или информации с разной степенью конкретности выражения времени выходит за границы норм употребления деепричастий. Так, деепричастия, образованные от глаголов, маркирующих неактуальные контексты типа *считаться*, редко сочетаются с предикатами, выражающими актуальное время. Например, *Расставаясь с нами накануне, считаясь уже официально мужем Дункан, Есенин терялся и не находил нужных слов* (ГИКРЯ). Сочетание двух планов: общего (*считаясь мужем Дункан*) и конкретного (*терялся, не находил нужных слов*), связанного с определенной временной точкой (*накануне*) нарушает условие единого временного плана. Кроме того, семантика глагола *считаясь* предполагает наличие дополнительного субъекта мнения, что нарушает правила употребления деепричастия. За-

мена деепричастия причастием устраняет этот дефект: *Расставаясь с нами накануне, Есенин, считавшийся уже официально мужем Дункан, терялся и не находил нужных слов.* Ср. подобный пример: *Считаясь полноправными защитниками Мисураты, мы днем слоняемся по позициям* (ГИКРЯ). В данном примере к нарушению единого временного плана между предикатами *считаясь-слоняемся* добавляется и неуместное употребление глагола с семантикой стороннего мнения при личном местоимении, поскольку получается расщепление субъекта: считают другие, а слоняемся мы. Контексты такого рода следует рассматривать при разработке норм употребления деепричастия.

Конструкции нечленных причастий при неличном субъекте

Вопросы, связанные с онтологическим типом субъекта, выявляют такие характерные для современного деепричастия свойства, как преимущественное употребление при личном субъекте. Деепричастие связано с предикатом временной связью, которая зиждется на внутренней прогрессии деепричастия — направленности, тяготению к следующему действию при предшествовании, что семантически выражается в контролируемости действия. Поскольку контроль действия может обеспечить только личный субъект, то употребление деепричастия при неличном субъекте, в особенности если глагольный корень связан с активным физическим действием, создает семантическую акциональность конструкции с оттенком целеполагания. Эту особенность деепричастия нередко используют поэты для создания эффекта олицетворения. Например, *И рвутся оборки настурций, и буря, // Баллоном раздув полотно панталон, // Вбегают и видит, как тополь, зажмурясь, // Нашествием снега слепит небосклон...* (Б.Л. Пастернак. «Мельницы»).

В нарративных текстах древнерусской письменности, в особенности житийных, причастные предикаты, относящиеся к личным субъектам, участвуют в формировании сюжетной линии, а предметы и явления, характеризующие причастиями, относятся, как правило, к фоновой информации. При этом следует различать случаи метафорического употребления предметных имен, когда, по сути, они являются отражением свойств святого. Например, *Богу сице изволивъшию, да и тамо доблягаю отрока житие просияеть, намъ же, якоже есть льпо, от вѣстока дѣньница възидеть, събираючи окръсть себе ины многы звѣзды, ожидаючи солнца правѣдѣнаго, Христа Бога...* («Житие Феодосия Печерского»). В данном примере *дѣньница* — это развернутое метафорическое описание святого, жизнь которого посвящена ожиданию второго пришествия Христа.

К этой же группе примеров примыкают конструкции с именами, обозначающими части тела, в значении «часть как целое», например: *Таже, положи правую руку на плеху, по запястье отсекли, и рука отсеченная, на земле лежа, сложила сама персты по преданию и долго лежала так пред*

народы; исповедала, бедная, и по смерти знамение спасителево неизменно («Житие протопопы Аввакума»). В приведенной конструкции сочетаются членная и нечленная формы. При этом членная форма характеризует известный предмет, то есть употребляется в значении «тот самый», а нечленная форма хотя и не влияет на динамику сюжетного действия по причине статуального значения глагольного корня, однако создает контекст, свойственный личному субъекту: рука приравнивается ко всему телу. Не случайно Аввакум употребляет эпитет *бедная*, тем самым выражая сочувствие казненному.

В примере из «Жития Феодосия Печерского» *Есть бо мала гора, надълежащи надъ манастырьмъ тьмь, и человьку тому туда въ нощи по ней ъдущую, и се видѣти тому чудо испълнь ужасти* нечленное причастие *надълежащи* стоит в позиции, невозможной для современного деепричастия. Во-первых, нечленная форма характеризует неизвестный, впервые упомянутый в тексте предмет — *гору*, во-вторых, форма соотносится по времени с бытийным глаголом, а это препятствует развитию динамики сюжета. Нечленная форма причастия здесь тяготеет не к глаголу, а к имени, в большей степени соответствуя современному причастию.

Следует отметить, что количество случаев употребления нечленных причастий при неличном субъекте в именительном падеже в житийных текстах ничтожно мало: так, в «Сказании о житии Бориса и Глеба» встретилось всего 4 примера, в «Житии Феодосия Печерского» — 12, в «Житии Сергия Радонежского» — 11.

Немногочисленные примеры употребления нечленной формы при неличном субъекте позволяют прийти к предположению, что писцы при выборе причастной формы с высокой долей вероятности руководствовались семантикой, сюжетной ролью и категорией определенности/неопределенности характеризуемого причастием имени.

В современном русском языке употребление деепричастий при неличном субъекте может быть намеренным: для создания олицетворения, как например, в стихотворении «Феодосия» О. Мандельштама: *Где вывеска, изображая брюки, Дает понятие нам о человеке*, а может быть ошибочным и создавать ненужную акциональность: *По его словам, стоя в линии награда, корабли полностью беззащитны, а на море они могут успешно отразить нападение противника и нанести ответный удар* (ГИКРЯ). Условие употребления при неличном субъекте, при котором возникает лишняя акциональность, может быть внесено в нормативные требования употребления деепричастия.

Выводы

Свойственная современному языку дихотомия причастия и деепричастия основана на разделении функций обеих глагольных форм. При этом функция деепричастия закреплена в языке на уровне формы: дее-

причастие в литературном языке выступает только в функции второстепенного сказуемого или наречия. Напротив, спектр синтаксических функций причастия намного шире. Обращение к историческому материалу путем соединения синхронного и диахронного анализа единиц позволило выявить другой, отличный от современного, тип взаимодействия между глагольными формами. Нечленная форма причастия объединяла функции как современного деепричастия, так и современного причастия. Кроме того, выбор глагольных форм определялся не столько их синтаксическими функциями, сколько контекстом, жанровой спецификой текста, семантикой. Нормы употребления современного деепричастия, связанные единым временным планом, можно интерпретировать как сужение функций, однако это сужение компенсируется расширением возможности употребления деепричастия при неличном субъекте. Во многом это объясняется изменением свойств современного нарратива по сравнению с нарративными текстами Древней Руси. Таким образом, современные нарушения норм употребления деепричастий (в полисубъектных конструкциях, в конструкциях с нарушением временного плана, однородное употребление с финитными формами) также можно объяснить тем, что функции деепричастия обусловлены сегодня не формальными критериями предложения, а семантико-грамматическими категориями текста, семантикой субъекта и семантикой глагольного корня.

Источники

ГИКРЯ — Генеральный интернет-корпус русского языка. Режим доступа: <https://int.webcorpora.ru/drake/>

Житие Александра Невского. Подготовка текста, перевод и комментарии В.И. Охотниковой. // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4962>. Дата обращения: 01.07.2021.

Житие Корнилия Комельского. Подготовка текста и комментарии А.Г. Сергеева, перевод А.А. Романовой // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10578>. Дата обращения: 01.07.2021.

Житие Сергия Радонежского. Подготовка текста Д.М. Буланина, перевод М.Ф. Антоновой и Д.М. Буланина, комментарии Д.М. Буланина // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4989>. Дата обращения: 01.07.2021.

Житие Феодосия Печерского. Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова // Электронные публикации Института русской лите-

ратуры (Пушкинского дома) РАН. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4872>. Дата обращения: 01.07.2021.

Мандельштам О. Стихотворения. Проза / Сост., вступ. ст. и коммент. М.Л. Гаспарова. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. 736 с.

Пастернак Б.Л. Собрание сочинений. В 5 т. / Сост. и коммент. Е. Пастернак и К. Поливанова. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. 751 с.

Повесть о житии Михаила Клопского. Подготовка текста, перевод и комментарии Л.А. Дмитриева // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=5062>. Дата обращения: 01.07.2021.

Пустозерская проза: Сборник / Сост., предисловие, комментарий, переводы отдельных фрагментов М.Б. Плюхановой. М.: Моск. рабочий, 1989. 364 с.

Сказание о Борисе и Глебе. Подготовка текста, перевод и комментарии Л.А. Дмитриева // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=4871>. Дата обращения: 01.07.2021.

Литература

Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. 260 с.

Борковский В.И. Синтаксис древнерусских грамот. (Простое предложение). Львов: Изд-во Львов. Ун-та, 1949. 390 с.

Добрушина Е.Р. Абсолютивные деепричастия: норма и узус, микродиахрония и современное положение // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2020. Вып. 63. С. 9–18.

Добрушина Е.Р. Корпусные исследования по морфемной, грамматической и лексической семантике русского языка. М.: ПСТГУ. 2014. С. 96–119.

Живов В.М. Сочинительные союзы между причастным оборотом и главным предложением в памятниках восточнославянской письменности // Библиистика. Славистика. Русистика: К 70-летию заведующего кафедрой библиистики профессора Анатолия Алексеевича Алексеева / Отв. ред. Е.Л. Алексеева; ред. И.В. Азарова, Т.И. Афанасьева, Л.В. Осинкина, А.А. Пичхадзе. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 404–425.

Живов В.М. Позиция причастных оборотов и их дискурсивные свойства в языке русских летописей // Слово и язык: Сб. статей к восьмидесятилетию акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур. 2011. С. 473–492.

Запольская Н.Н. Функционирование причастий в русском языке конца XVII–XVIII в.: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 1985. 206 с.

Соколова Е.В. Причастие, деепричастие, глагол в сознании школьника XXI века: что происходит и о чем это говорит // Русский язык за рубежом. 2019. № 2. С. 19–22.

Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка. М.: Высшая школа, 1972. 360 с.

Толстой Н.И. Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке (на материале евангельских кодексов) // Вопросы славянского языкознания / Отв. ред. С.Б. Бернштейн; АН СССР, Ин-т славяноведения. Вып. 2. М., 1957. С. 43–122.

References

Istochniki

Mandel'shtam O. (2001). *Stihotvoreniya. Proza* [Poems. Prose]. M.L. Gasparov (Ed.). Har'kov: Folio. 736 p. (In Russ.).

Pasternak B.L. (1989). *Sobranie sochinenij*. V 5 t. [The Complete Works. In 5 vols.]. Moscow: Khudozh. lit. Vol. 1. 751 p. (In Russ.).

Plyuhanova M.B. (1989). *Pustozerskaya proza* [Prose of Pustosersk]. Moscow. (In Russ.).

Skazanie o Borise i Glebe. [The legend of Boris and Gleb]. L.A. Dmitriev (Ed.). URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=4871>. Accessed: 01.07.2021.

Stetsenko A.N. (1972). *Istoricheskii sintaksis russkogo iazyka* [Historical Syntax of the Russian Language]. Moscow: Vysshaya shkola. 360 p. (In Russ.).

The General Internet-Corpus of Russian (GICR). URL: <https://int.webcorpora.ru/drake/>. Accessed: 01.07.2021.

Zhitie Aleksandra Nevskogo [Life of Aleksandr Nevsky]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4962>. Accessed: 01.07.2021.

Zhitie Korniliya Komelskogo [Life of Kornilius Komelsky]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10578>. Accessed: 01.07.2021.

Zhitie Sergiya Radonezhskogo [Life of Sergius of Radonezh]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4989>. Accessed: 01.07.2021.

Zhitie Feodosiia Pecherskogo [Life of Theodosius Pechersky]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4872>. Accessed: 01.07.2021.

Povest' o zhitii Mihaila Klopskogo [The story of the of Mikhail Klopsky]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=5062>. Accessed: 01.07.2021.

Literatura

Bondarko A.V. (2001). *Osnovy funktsional'noi grammatiki: Iazykovaia interpretatsiia idei vremeni* [Basics of Functional Grammar: Language

Interpretation of the Idea of Time]. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 260 p. (In Russ.).

Borkovskii V.I. (1949). *Sintaksis drevnerusskikh gramot. (Prostoe predlozhenie)* [Syntax of Old Russian Letters (a Simple Sentence)]. L'vov: Izd-vo L'vov. Un-ta. 390 p. (In Russ.).

Dobrushina E.R. (2014). *Korpusnye issledovaniya po morphemnoj, grammaticheskoi i leksicheskoj semantike russkogo yazyka* [Corpus-based research on morphemic, grammatical, and lexical semantics of the Russian language]. Moscow: PSTGU. Pp. 96–119. (In Russ.).

Dobrushina E.R. (2020). Absolyutivnye deeprichastiya: norma i uzus, mikrodiakhroniya i sovremennoe polozhenie. [Absolute Transgressives: Their Standard and Occurrence, Microdiachrony and Current State]. *Vestnik PSTGU*. Ser. III: Filologiya. Issue. 63. Pp. 9–18. (In Russ.).

Sokolova E.V. (2019). Prichastie, deeprichastie, glagol v soznanii shkol'nika XXI veka: chto proiskhodit i o chem eto govorit [Communion, verbal adverbs, verb in the consciousness of a student of the XXI century: what is happening and what does it mean]. *Russkij yazyk za rubezhom* [Russian language abroad]. No 2. Pp. 19–22.

Tolstoi N.I. (1957). Znachenie kratkikh i polnykh form prilagatel'nykh v staroslavianskom iazyke (na materiale evangel'skikh kodeksov) [Meanings of Short and Long Forms of Adjectives in the Old Slavonic Language (Based on the Material of the Evangelical Codices)]. *Voprosy slavianskogo iazykoznanii* [The Questions of Slavic Linguistics]. Ed. 2. Pp. 43–122. (In Russ.).

Zapol'skaia N.N. (1985). Funktsionirovanie prichastii v russkom iazyke kontsa XVII–XVIII v. [Functioning of Participles in Russian at the end of the XVII–XVIII c.]. Candidate's thesis. Moscow. 206 p. (In Russ.).

Zhivov V.M. (2011). Sochinitel'nye soyuzy mezhdu prichastnym oborotom i glavnym predlozheniem v pamyatnikah vostochnoslavjanskoj pis'mennosti [Coordinating conjunctions between the participle and the main sentence in the East Slavic writings]. *Bibleistika. Slavistika. Rusistika: K 70-letiyu zaveduyushchego kafedroj bibleistiki professora Anatoliya Alekseevicha Alekseeva* [Bible Studies. Slavistics. Russian Studies. For the 70-anniversary of the head of the Department of Biblical Studies prof Alekseeva A.A.]. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU. Pp. 404–425. (In Russ.).

Zhivov V.M. (2011). Pozitsiia prichastnykh oborotov i ikh diskursivnye svoistva v iazyke russkikh letopisei [The Position of Participial Constructions and Their Discursive Properties in the Language of Russian Chronicles]. *Slovo i iazyk: Sb. statei k vos'midesiatiletiyu akad. Iu. D. Apresiana* [The Word and the Language. Collection of Articles for the 80th Anniversary acad. Iu.D. Apresiana]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. Pp. 473–492. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.06.2021; одобрена после рецензирования 12.09.2021; принята к публикации 27.09.2021.

The article was submitted 25.06.2021; approved after reviewing 12.09.2021; accepted for publication 27.09.2021.

Информация об авторе

Анна Павловна Вяльсова — кандидат филологических наук, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва, Россия), доцент кафедры славистики историко-филологического факультета; сфера научных интересов: грамматика, история русского языка, синтаксис.

Information about the author

Anna Pavlovna Vialsova — Candidate of Philology, St. Tikhon's Orthodox University for Humanities (Moscow, Russia), Associate Professor of the Department of Slavic Studies of the Faculty of History and Philology; research interests: grammar, history of Russian, syntax.